

Остров утренней звезды

Второй роман серии «Повесть призрака», продолжает рассказ о полюбившихся героях: благородном мечнике Чу Фэйяне и мрачном

мастере игл Цзюнь Шуине.

Остров утренней звезды

В этом году первому сыну Чу Фэйяна исполнилось пять лет, а второму четыре года. Благородный мечник давно вернулся в мир, слухи о его смерти, что не удивительно, не оправдались, лишь умалишенные продолжают говорить, что светило мира цзянху покинуло боевую арену. Что бы там ни творилось у них в головах, а Чу Фэйян вновь стал знаменит. Все будто бы вернулось на круги своя, только с мечником теперь путешествует прекрасный, но мрачный мужчина и двое не менее загадочных детей.

На шестидесятилетие бывшего главы альянса цзянху Юань Каншоу, Чу Фэйян привел с собой на гору загадочных спутников и с привычной мягкой улыбкой представил их, как членов своей семьи, познакомил их со всеми влиятельными людьми мира боевых искусств, что собрались на горе Ланьюэ. Без криков и помпы, не совсем обычная, но все-таки семья. Просто и естественно. Однако цзянху никогда не страдал от недостатка тех, кто пытается докопаться до сути дела. Таким образом, помимо восхищающихся и поклоняющихся, нашлись и мрачные, обвиняющие взгляды, которые подобно муравьям проникали под одежду, ища отверстие, в которое можно пробраться и добрести до истины или грязных подробностей.

Чем ярче свет, тем гуще тень он рождает. И пусть герою по имени Чу Фэйян не было дела до недругов, которые не могут противостоять ему в честном бою, всегда найдется тот, кто захочет мутить воду.

Небольшой городок под названием Цинчжоу расположился у подножья горы Ланьюэ. Оживленное поселение процветало отчасти потому, что на горе разместилась великая школа

меча Цинфэн, а Цинчжоу стал перевалочным пунктом для приезжающих и уезжающих из школы мастеров боевых искусств. Так же он стал домом для решивших найти покой воинов. Так уж повелось, что на улицах поселения не найти обычных людей, все они сплошь мастера работы с внутренней энергией. И даже шестилетний ребенок отсюда сможет достойно станцевать с мечом или копьем.

Кроме того, под взором великой школы, никто не осмелится творить беспредел. Поэтому, несмотря на большое количество воинов, в городе царил покой. А сменяющиеся друг за другом городские лорды быстро обретали славу деятельных и умелых, принимали похвалу двора.

Ресторан «Цинфэн» — самый большой постоянный двор в городе Цинчжоу. Видимо, многим жителям поселения казалось, что одно имя великой школы может наладить финансовые дела. И хотя постоянный двор не обязательно был лучшим в городе, многие мастера предпочитали останавливаться именно там. Когда же наступало время ужина, оба зала на первом и втором этаже двора под завязку наполнялись людьми. И за каждым столом можно познакомиться с разными акцентами, увидеть высоких и низких, худых и толстых мужчин. Кто-то сидел за столом с дубиной, кто-то с ножом, но все с пеной у рта доказывали свою рыцарскую значимость. Все эти герои думали, что сражаются за справедливость, ведут войну со злом и его приверженцами.

Таких людей цзянху поведало немало, и официант постоянного двора научился вычленять из них адекватных, доблестных мастеров и любителей похвалиться. Его острый взгляд цеплялся за их одежды и манеры, слова, а разум

делал меткие выводы, поэтому, когда порог постоянного двора переступила пара белых войлочных сапог, а стройный силуэт показался в проеме, официант тут же оказался рядом, поприветствовал гостя:

— Добро пожаловать, на улице нынче холодно, да? Вы планируете пообедать один или дождетесь приятелей? Собираетесь ли остаться у нас на ночь?

Посетитель смахнул снег с плеч и кивнул официанту:

— Мне не нужна комната, да и кушать здесь я не собираюсь, закажу несколько ваших фирменных блюд и заберу их с собой.

— Хорошо, дорогой гость, я понял. Вы тогда присаживайтесь, подождите, а я подготовлю ваш заказ, — официант провел гостя в зал, подтянул свободный табурет, протер его салфеткой и пригласил мужчину за стол, на который поставил свежий, горячий чай, а сам побежал к стойке.

Цзюнь Шуин посмотрел на ароматный чай, на несколько узких лепестков в почти прозрачной воде. Покачивающийся на поверхности стебелек, заставил Цзюнь Шуина нахмуриться и отставить чашку. Чай не тот напиток, за которым ему стоит поразмышлять над сложившейся ситуацией.

На дне рождения Юань Каншоу Синь Бай показал себя не таким упрямым, как раньше. И пусть с его уст не слетело конкретных слов, кажется, старик смирился с тем фактом, что Чу Фэйян связался с бывшим главой темной школы Тяньи. Цзюнь Шуин понятия не имеет, о чем Чу Фэйян сговаривался со своим старым мастером, но их маленькому семейству пришлось переехать к подножью горы Ланьюэ. И если быть до конца откровенным, то мастеру игл это не по нраву. Ему не нравится это

место, но Чу Фэйян был полон решимости вернуться, поэтому уговаривал, принуждал, соблазнял и Цзюнь Шуин, в конце концов, согласился. С тех пор, переездом и прочими нюансами их статуса занимался только Чу Фэйян.

К счастью, благородный мечник не потребовал от Цзюнь Шуина переезда прямо в школу меча Цинфэн. Они поселились у подножья горы, в уединенном месте, где некогда жил один из наставников благородного дася. Собственно, отчасти поэтому Цзюнь Шуин не особенно сопротивлялся переезду. В любом случае, обиды и распри давно в прошлом, и пока мастер игл не встречается с учениками Цинфэна на ежедневной основе, ему не придется строить из себя ангела возмездия и выглядеть вычурно да претенциозно. И все же людей в их маленьком доме стало больше, а комнат неожиданно перестало хватать. Цзюнь Шуин не особенно беспокоился о чужом комфорте, но Чу Фэйян пригласил братьев, племянников и вместе с ним отремонтировал и достроил дом, пристроил зал для тренировок. И вскоре мастеру игл пришлось обживать почти в особняке.

Сегодня Чу Фэйян рано утром отправился на гору и не вернулся даже после полудня. Сяо Ши проголодался и Цзюнь Шуин не мог ждать дальше, взял немного серебра и направился в ресторан Цинфэн за обедом.

Мастер игл со скучающим видом покачивал ногой. Большинство мыслей темного дася занимала написанная для него Чу Фэйяном книга с техниками боевых искусств, а также беспокойство за сяо Ши, которого перед уходом мужчина привязал к ножке тяжелого стола. Темному дася не нравилось оставлять сына в

одиночестве, поэтому он начал сетовать на то, что блюда слишком долго готовятся. Уже собравшись позвать официанта, чтобы напомнить ему о заказе, Цзюнь Шуин осекся, когда услышал знакомое имя с соседнего столика.

— Ха, Чу Фэйян лучший в мире герой? Бред! — фыркнул мужчина в широкополой шляпе и уродливыми шрамами на лице. Подогретый выпивкой гнев, заставил его сплунуть и высказаться. — Достоин ли он зваться героем? Достоин ли он этого звания? Да, он силен, но из-за его действий сообщество цзянху потеряло свой блеск! — Шрамы на покрасневшем лице дрогнули, а подбородок мужчины трясся то ли от волнения, то ли от переизбытка вина. Цзюнь Шуин видел, как вспыхнули гневом его глаза.

— Ян-сюн, говори тише, все-таки мы на территории школы меча Цинфэн, — напомнил ему собутыльник.

— Тише?! Да иди ты! Чу Фэйян — ничтожество! — вмешался в разговор еще один грузный мужчина с перекошенным лицом. Подняв бокал и, лихо его осушив, мужчина обтер жирный рот рукой и выдохнул. — Вот что я вам скажу, этот герой Чу, на что он на самом деле способен? Что он на самом деле может сделать? Вы ведь знаете, да? Он предпочитает мужчин! — Грузный сплетник сделал неприличный жест и повысил голос, чтобы все в ресторане его слышали, а его собеседники переглянулись и скабрёзно рассмеялись.

— А знаете ли вы, откуда у Ян-сюна эти шрамы? — рыгнул один из крепышей. — Его изуродовал Чу Фэйян. Это была тяжелая битва, да, Ян-сюн? Расскажешь нам?

Человек со шрамами махнул рукой и смиренно покачал головой:

— Не стоит об этом упоминать. Не стоит.

— Как это не стоит? — Щеки крепыша в возмущении дернулись, а залитые вином глаза заговорщически сверкнули. — Как ты можешь молчать об этом? Нет, о таком нужно говорить во всеуслышание, иначе как мы добьемся справедливости? Пусть все знают, какой мерзавец этот лишь с виду белый и благородный Чу-дася! Говорю вам, как на духу, как-то раз Ян-сюн напал на след горных бандитов, настоящий убийца бился с ними три дня и три ночи, порубил на куски пятьсот человек, но то был не конец сражения. Ян-сюн вымотался, и в этот самый момент появился наш молодец, герой Чу, который сразил оставшихся бандитов. Ян-сюн, прямой и открытый человек, как он мог думать, что мальчишка пришел украсть его заслугу? Он отправился к нашему герою, собираясь его поблагодарить, а этот паршивец порезал лицо Ян-сюна!

Сидящие за столом принялись тяжело вздыхать и укоризненно качать головами. Грузный мужчина сочувственно похлопал изуродовано шрамами воина по спине:

— И после этого называть его героем? Ян-сюн — вот кто настоящий герой! Ему пришлось отдать лавры за свой подвиг этому наглому мальчишке, а самому долго лечить порезы. И по сей день Ян-сюн предпочитает молчать об этом истории, на его месте я бы...

Выпивохи разошлись, смеялись и выкрикивали оскорбления, как вдруг нечто тяжелое и мрачное опустилось на их плечи. Мужчины переглянулись, и принялись оглядываться в поисках источника таинственной ауры.

Тем временем под аккуратными, отороченными

кроличьим мехом, манжетами красивый мужчина так крепко сжимал кулаки, что костяшки побелели, а кости начали тереться друг о друга. Мужчина поднялся, и чинно прошел к пятерым, сидящим за столом пьяницам. Первым из них пришел себя изуродованный шрамами «герой». Хлопнув по столу, он громко возмутился:

— Какого черта творишь, сопляк?! Смеешь с пренебрежением смотреть на нас, на пятерых тигров Пэньюэ... — изуродованный не смог договорить, речь сорвалась на жалкий крик, внезапно встревожив весь ресторан. Обедаящие перестали беседовать и невольно обернулись в сторону конфликта. В ресторане воцарилась тишина.

В руках Цзюнь Шуина осталась только одна из бамбуковых палочек, вторая вонзилась в столешницу, попутно пробив ладонь изуродованного ублюдка. Кровь узким, но уверенным потоком потекла со стола на пол.

— Ах ты! — Очнулся от шока ближайший к Цзюнь Шуину мужчина и схватился за лежащий на столе нож. Грузный великан попытался встать, но мастер игл даже не моргнул, протянул руку и схватился за покрытое жиром лицо, сжал и удовлетворился последовавшим за этим треском костей. Мужчина завопил, схватился за шею и рухнул на пол, туда же полетел его нож.

Цзюнь Шуин прошел дальше, воззрился на человека, который больше всех рассуждал о героическом титуле Чу Фэйяна.

Глянув на своих поверженных спутников, после на противника в белом, мужчина понял, что столкнулся с настоящим мастером, схватился за оружие и настороженно отступил.

Мастер игл усмехнулся, покрутил в руках

бамбуковую палочку и метнул ее в неприятеля. Мужчина на рефлекс поймал прибор и ехидно улыбнулся: «И всего—то?».

— Осторожно! Выбрось! — раздался встревоженный голос со второго этажа. Мужчина дернул головой, ища обладателя голоса, как вдруг рядом промелькнула белая тень, и правое запястье обдало холодом. Резкая боль пронеслась по телу, от запястья к каждой конечности, по каждому нерву.

— А-а! — жалобно закричал мужчина, хватаясь за запястье. Упав на пол и с удивлением, шоком уставился на собственную, отдельную от тела кисть, все еще сжимавшую треклятую бамбуковую палочку.

— Ты!.. Ты!.. — Ошарашенный мужчина поднял голову и с широко распахнутыми глазами уставился на юношу в белом, который до этого выкрикнул ему предупреждение.

— Не обвиняй, я спас тебя. Смотри, — юноша в белом указал на отсеченную кисть. Чернота распространилась по коже от палочки, которая выпала, когда еще теплая плоть начала гнить и распадаться, обнажая кости. В конце концов, от руки остались только фаланги и лужа гнили.

Мужчина остолбенел, поразился до такой степени, что позабыл кричать от боли.

Юноша в белом обернулся к Цзюнь Шуину с суровым выражением лица:

— Что вы за человек такой? Как может под прекрасным лицом скрываться столь злое сердце? Даже если эти люди как-то вас обидели, не стоит мстить им такими грязными методами. То, что вы сделали, порицается миром боевых искусств, порицается благородными дася!

Цзюнь Шуин взглянул на троих раненых, потом

на двоих сбившихся в угол, дрожащих мужчин и, не найдя тех достойными внимания, обратил взгляд на громко порицавшего его юношу.

Остров утренней звезды

Цзюнь Шуин оглядел стоящего перед ним юношу в белом. Тот, понял, что его оценивают: задрал подбородок и выпятил грудь, хватка на рукояти меча стала крепче, и в сведенных бровях читалось неодобрение, почти упрек. В зале ресторана повисла тишина. Немногочисленные раненые, поддерживая друг друга, отползли в угол и с мрачными лицами наблюдали за противостоянием двух господ в белом.

Некоторые гости постоялого дома, как только начался спор, поспешили расплатиться и выскользнули из помещения. Остальные, более сильные жители и гости города, стояли в стороне и молча наблюдали за хаосом. Кто-то даже остался на своем месте и продолжил трапезу, не считая, что происходящее его касается.

— Уважаемый брат, я не знаю, чем именно тебя обидели эти люди, но не чрезмерно ли то, что ты собираешься сделать? — Юноша в белом заговорил первым. Серьезность его отношения к маленькой потасовке и истинно праведное выражение лица придавало ему несвойственную возрасту степенность.

— Любопытно, — фыркнул Цзюнь Шуин, — хватит болтать глупости, хочешь подраться, давай.

— Драться? — Удивился юноша и тут же мотнул головой. — Уважаемый брат, кажется, ты неправильно меня понял, я не собираюсь наживать себе врага в твоём лице. Просто не хочу смотреть, как ты убиваешь кого-то среди бела дня. Как человек из цзянху, я должен вмешаться и остановить беспорядки. Я хочу стать меж вами посредником и помочь разрешить противоречия.

Мастер игл с кривой улыбкой окинул взглядом своих жертв. Юноша в белом, едва закончив речь,

почувствовал на себе несколько недовольных взглядам. Так уж вышло, что на постоялом дворе собралось немало тех, кто зовет себя героем, и он только что уколол их гордость. Юноша поежился и решил найти поддержки у спасенных, но побитые собаки только жались в углу и угрюмо смотрели на соперников, не выражая ни капли благодарности за сохранение своих жизней.

— Интересно, над чем вы смеетесь, уважаемый брат? — Вновь нахмурился юнец. — Вы...

Не успел молодой герой сказать что-либо еще, как человек определил их отношения, с равнодушной улыбкой покачнулся и, превратившись в стремительную тень, бросился в атаку. Юноша взлетел, кувыркнулся и приземлился в дальней стороне ресторана, но не успел найти равновесия, как свирепый ветер внутренней силы пронесся за спиной. Мужчина мог убить его в любой момент, но медлил. Юноша использовал момент, выпустил свои силы и, разворачиваясь, занес меч.

— Осторожно, Чу-дася! — раздалось сверху.

В следующее мгновение, зеленоватые от отравы иглы, что могли пронзить его тело и лишить жизни, врезались в меч и выбили оружие из рук. Грозный, благородный на вид мужчина зажал меж пальцев еще три иглы и с садисткой ухмылкой направил их в лицо противнику. Юноша собрался отступить, но тут, прозвучали слова предупреждения и иглы остановились прямо перед носом юноши, помедлили и вернулись в руку мастера, вновь ложась меж пальцев.

— Твоя фамилия Чу? — Нахмурился мастер игл, впервые за время их краткого знакомства проявив что-то похожее на неуверенность.

Юноша не понял, какое отношение это имеет к их

делу, но все же кивнул.

— Чу-дася? Хах! — презрительно фыркнул мужчина и покачал головой.

Смех озадачил юношу, но несмотря на пренебрежительное отношение к своей фамилии, он представился незнакомцу, как того требует этикет воинов цзянху:

— Мое имя Чу Юньфэй и я старший ученик школы Тяньшань. Я понимаю, что мое старшинство сомнительное достижение, я не мастер, и только потому, что друзья из цзянху дают мне набраться опыта, я называю себя Чу-дася.

Цзюнь Шуин едва ли не сплюнул, но атаковать не стал. Официант, что наблюдал с паникой со стороны, воспользовавшись затишьем, вышел вперед:

— Уважаемый гость, блюда, которые вы заказывали, готовы. Мы взяли на себя смелость упаковать их в коробку. Вы можете ее забрать, она поможет вам сохранить еду горячей. Вот, видите ли...

Цзюнь Шуин отвлекся от своего несостоявшегося противника и кивнул официанту. Расторопный мальчишка убежал и быстро вернулся с красивой коробкой изысканной еды. Мастер игл не поспешил на еще один кусок серебра, перебросив его официанту, развернулся и ушел. Чу Юньфэй растерялся, не понимая, как человек полный желания сражаться вдруг охладел и ушел. Заковав меч в ножны, юноша бросился за противником:

— Уважаемый брат, пожалуйста, останься, мы еще не разобрались в случившемся...

— Больше всего на свете я ненавижу сующих свой нос в чужие дела людей. Особенно неких

товарищей с фамилией Чу. Разбирайся со своей проблемой сам, — бросив на прощание несколько слов, Цзюнь Шуин использовал легкий шаг и с невероятной скоростью скрылся из поля зрения Чу Юньфэя. Юноша тут же понял, что в серьезном сражении не смог бы противостоять незнакомцу. Пришлось покачать головой и вернуться в ресторан, к своему спутнику, который тут же к нему подошел.

— У этого человека хорошие манеры, но он высокомерен, его навыки превосходны, но сердце полно недобрых намерений. Я не знаю, каково его происхождение, но мне странно думать о том, что он нашел место у школы Цинфэн, — задумался Чу Юньфэй, вернувшись за свой столик на втором этаже.

— Вот что я тебе скажу, этот город смешение драконов и змей, и в следующий раз не стоит вот так просто вмешиваться в чужие дела, — покачал головой собеседник.

— Что ты имеешь в виду, Сяоцую? Хочешь, чтобы я спокойно наблюдал за тем, как свершается убийство, хочешь, чтобы я отвернулся и ничего не делал? Боюсь, если бы я не вмешался, то сейчас на первом этаже лежала бы горстка костей в вонючей жиже. Этот человек собирался убить, причем безжалостно, — неодобрительно фыркнул Чу Юньфэй.

Юноша по имени Сяоцую беспомощно покачал головой:

— В этом весь ты. Лучше посмотри на тех несчастных, которых ты спас, они ведь не похожи на хороших людей. — Подняв голову, Сяоцую посмотрел вниз, туда, где вновь столпилось множество народу, как будто недавнего хаоса попросту не бывало. — А, нет, не смотри, они

ушли. С ума сойти, ты рисковал жизнью, чтобы спасти их, а они не выказали ни капли благодарности, вспомни, как они на тебя смотрители.

— Я не ищу благодарности за свои поступки, — серьезно заявил Чу Юньфэй.

— Как скучно. Ладно, забудем, не будем их обсуждать. И все же этот человек... кое-кого он мне напомнил, — потеряв подбородок, заинтересованно проговорил Сяоцую.

— Кого?

— А ты не понял? Помнишь, когда я выкрикнул тебе быть осторожнее, этот человек перестал атаковать, как только услышал твою фамилию, и после этого ты не догадался, кто это? — Изогнул бровь Сяоцую.

— Нет... кто это? — нахмурился Чу Юньфэй.

— Ты просто нечто, разве ты не большой поклонник Чу Фэйяна? Не верю, что ты не знаешь о ползущих о нем слухах. — Снисходительно заявил более догадливый, менее благородный собеседник.

— Чу-дася? Это был Чу-дася? Чу Фэйян? — Округлились глаза Юньфэя, спрашивая с трепетом.

— У тебя точно пустая голова, ты ведь только что сказал, что у этого человека злое сердце. Кто по слухам связан с героем Чу?..

— Цзюнь Шуин?! — Еще шире распахнулись глаза молодого воина.

— Тс! — Тут же вжал голову в плечи парень, прикрывая другу рот рукой. — Говори тише!

— Но ведь он настоящий демон! — с ненавистью, но все же прошептал молодой герой. — Если бы я знал, кто это, то не болтал бы столько глупостей, а сразу бы пошел в атаку, убил это бельмо на

мире цзянху.

— Так сильно его ненавидишь? — отшатнулся Сяоцуй. — Ты ведь уже встречал его раньше.

— Когда это я якшался с выродком из темной школы?! — Возмутился Чу Юньфэй. — Это из-за него пострадала репутация Чу Фэйяна, конечно, я его ненавижу. Из-за него даже юные ученики в цзянху клеветают на Чу-дася. Они ведь оба мужчины... ну в самом деле... Я уверен, это Цзюнь Шуин его околдовал, поэтому их видят вместе.

— И все-то ты знаешь, — подцепив палочками арахис, Сяоцуй насладился жареным мясистым орехом и усмехнулся. — С чего ты взял, что Цзюнь Шуин в самом деле околдовал Чу Фэйяна? Может быть, все наоборот.

— Не говори ерунды! — ударил по столу Чу Юньфэй. — Чу-дася яркий и открытый человек, если уж кто и достоин звать себя героем, так только Чу Фэйян! И не было бы ему равных, если бы не этот чертов мастер темной школы. Он смутил разум Чу Фэйяна, чуть не положил конец его репутации и жизни. Ты даже не представляешь, сколько людей втайне ненавидят этого демона. Вот если бы я мог предупредить Чу-дася с глазу на глаз, он бы обязательно посмотрел на ситуацию с правильной позиции.

— Хорошо-хорошо, — попытался успокоить друга Сяоцуй. — Спокойнее, все эти сплетни и прочее — развлечение праздных людей, которым больше нечем заняться. Не забывай, что в этот раз ты вышел из школы не на прогулку. У тебя важное задание.

— Я до сих пор с трудом верю, что герои способны на такую низость, как сплетни, — неодобрительно заметил Чу Юньфэй, после чего, вняв напоминанию, стал сдержаннее. — Я никогда

не забывал о миссии. И ее важность мне известна. Наставник велел мне вернуть украденную половину меча Утренней звезды, но из подсказок у меня есть только этот город. Я уже не первый день здесь брожу, но не смог найти ни одной зацепки. Даже с помощью мастеров дружественных школ я не добился прогресса. Воистину, я в большой растерянности.

Сяоцуй утешающе похлопал друга по плечу:

— Подсказки найдутся, прежде чем распространятся слухи о краже. А я обязательно тебе помогу.

Пока двое болтали о делах, Цзюнь Шуин практически взлетел на гору и зашел в дом. Сразу с порога он увидел сидящего перед столом на корточках Чу Фэйяна.

— Что ты делаешь? — Пройдя в комнату, мастер игл поставил на стол коробку с едой. Подошел ближе и тут же переменялся в лице. Чу Фэйян держал на руках маленького, хнычущего мальчика, который так доверительно жался в его руках. Благородный воин нежно поглаживал, успокаивал сына.

Услышав приближение кормильца, мужчина и мальчик одновременно обернулись и обвинительно посмотрели на Цзюнь Шуина. Сяошу крепче прижался к отцу и обиженно заворчал.

— Ты в самом деле приковал Сяошу с помощью железного замка холодного льда? Ты хоть представляешь, каких могущественных людей им запирают? Ты слишком высокого мнения о нашем сыне. Посмотри, как он напуган, — беспомощно покачал головой Чу Фэйян.

Цзюнь Шуин, смутившись, почесал нос:

— Наш малыш слишком хорошо справляется с узлами, его невозможно остановить простыми веревками. Вот и я и подумал об этом способе...

Остров утренней звезды

Цзюнь Шуин, смутившись, почесал нос:

— Наш малыш слишком хорошо справляется с узлами, его невозможно остановить простыми веревками. Вот я и подумал об этом способе...

Чу Фэйян беспомощно покачал головой:

— Эх ты, знаешь, я не особенно возражаю, когда ты отрицаешь некоторые очевидные вещи, но надо ведь понимать, что и когда уместно. Я понимаю, что у тебя на уме только сражения, но... Нашему сыну вряд ли пришелся по душе твой...

— Это у кого это на уме только сражения? Хочешь подраться, Чу Фэйян? — недовольно прищурился мастер игл. — Если хочешь, только скажи, я готов в любое время!

— Я не хочу с тобой драться или ссориться, просто хочу вразумить. Знаешь, древние люди недаром говорили, не страшно совершить ошибку, страшно ее не исправить. Ну вот как ты додумался связать нашего сына железной цепью да еще и оставить его одного? Нет, такие ошибки лучше не повторять. Прислушайся к доводам рассудка, не обязательно постоянно упрямяться, — положив сяо Ши на мягкую циновку, Чу Фэйян выпрямился и укоризненно посмотрел на любовника.

— Ах ты! Сегодня я преподам тебе урок, иначе ты так и будешь болтать, все что вздумается, — пройдя к стене, Цзюнь Шуин снял два висящих на гвозде меча и бросил один Чу Фэйяну. Тот, что остался у него в руках, быстро выскочил из ножен с характерным звуком. — Давай, обнажи меч.

Поймав меч, Чу Фэйян взвесил тот в руке и вынул лезвие из ножен, а те убрал за спину. Яркий кончик меча просвистел в воздухе и нацелился на воинственно настроенного Цзюнь Шуина. Отблеск лезвия на мгновение ослепил мастера игл. Если

честно, темный дася не дулам, что Чу Фэйян в самом деле поддастся на провокацию и вытащит меч, да еще и столь решительно, почти безучастно направит его острее на любовника. Цзюнь Шуин не только удивился, но еще и к собственному удивлению, обиделся. Правда тосковать ему стало недолго, обида быстро превратилась в ярость, сжигающее сердце пламя. Именно оно подпитало желание мастера игл сражаться. Крепко сжав рукоять меча, Цзюнь Шуин встал в стойку.

Чу Фэйян ухмыльнулся, сделал несколько шагов навстречу возлюбленному, но не сделал выпада. Кончик его меча скосил влево и вниз, а потом ловко вошел в ножны. Цзюнь Шуин только и услышал, что щелчок. Не успел удивиться, как Чу Фэйян перебросил меч в правую руку, ножнами отвел направленное на него оружие и ухватил мастера игл за талию да притянул к себе, прижав спиной к собственной груди.

— Хорошо-хорошо, — улыбнулся благородный дася и поцеловал своего спесивца за ушком. — Не злись, ладно? Я просто пошутил.

— Ублюдок, да кто так шутит? А ну, отпусти! — Дважды попытался выпутаться мастер игл и с откровенным неудовольствием прошипел. — Отпусти и дерись со мной, как следует!

— Не хочу драться, — категорично заявил Чу Фэйян, интимно потираясь кончиком носа о длинные волосы Цзюнь Шуина. — Разве я могу с тобой сравниться?

Цзюнь Шуин еще пару раз дернулся, не сумел выпутаться и, холодно фыркнув, опустил голову. Чу Фэйян рассмеялся, ослабил хватку, забрал у возлюбленного меч и положил на стол, после чего вновь склонился над ушком любовника:

— Однако я не против лечь с тобой в постель и провести бой там...

Мастер игл с силой оторвался от Чу Фэйяна и поспешил обернуться к сыну. Малыш послушно сидел на войлочной подушке у стола и боязно поглядывал на Цзюнь Шуина. Мастер игл боялся, что сынок замерзнет, поэтому специально оставил ему теплую подушку у стола да еще и обернул несколькими стояли толстой меховой накидки. Не пожалел и шапку из тигровой шкуры. Правда сейчас она наехала ему на глаза и из-под меха были видны только розовые щечки. С вышивкой на халате и маленькими, отороченными мехом башмачками сяо Ши выглядел донельзя милым. Поправив свои одежды, с любопытством поковыряв вышивку пальцем, малыш вновь обратил взгляд на Цзюнь Шуина и, когда понял, что на него смотрят, опустил голову, состроил жалобный вид. Донельзя укутанному мальчику стало сложно двигаться, он все-таки схватился за опоясывающую живот цепь и потянул ее, заставив издать звон, после чего смиренно, с покорностью посмотрел на папу.

В то же мгновение Цзюнь Шуин испытал доселе неизведанное чувство. От старых привычек избавиться сложно, мастер игл нет да и замышлял что-нибудь эдакое, и Чу Фэйян исчерпал моральные силы, пытаясь заставить возлюбленного испытать чувство вины. Кто же знал, что сыну это удастся с куда меньшим усилием. Под взглядом этих больших темных глаз, в которых застыли хрустальные слезы, Цзюнь Шуин признался себе, что поступил жестоко. Он тут же достал ключ, присел перед сяо Ши на корточки, поправил его шапку, а потом снял замок и размотал цепь.

Сяо Ши не сказал спасибо, вообще не обратил на папу внимания, только схватился за край теплого расшитого халата, ни в коем разе не желая смотреть на Цзюнь Шуина. Темный дася опять пожалел о том, что так плохо поступил с сыном. Он взял малыша на руки, усадил на край стола и аккуратно прошелся большими пальцами по его пухлым щечкам:

— Испугался, маленький? Обещаю, что больше никогда так с тобой не поступлю.

Сяо Ши оказался тверже камня, сильнее насупился и принялся активнее ковырять пальцем вышивку, точно не собирался прощать отца. Его настроение натурально испугало мастера игл. Видя, что сын не обращает на него внимания, Цзюнь Шуин растерялся и начал придумывать способы его задобрить.

Наблюдавший за сценой Чу Фэйян усмехнулся, подошел ближе и стянул с малыша шапку:

— Ну ты, плут, что же ты отцу голову морочишь? Когда я вернулся, ты ведь преспокойно спал на циновке и видел далеко не кошмар. Так что не надо делать вид, будто тебя серьезно обидели.

Сяо Ши с открытым ртом посмотрел на Чу Фэйяна, но воин не стал ругаться, только улыбнулся и погладил сына по щеке. Разоблаченный мальчишка, если и почувствовал вину, то умело это скрыл, тут же вытер выступившие слезы и потянулся к Цзюнь Шуину:

— Папа, обними! Папа!

Давно Цзюнь Шуин не испытывал таких эмоциональных качелей. Не в состоянии злиться на сына, мастер игл вздохнул и взял проказника на руки, а тот вполне удобно устроил подбородок на плече отца и зарылся носом в роскошный мех воротника его шубы. Родной запах, кажется,

окончательно успокоил проказника. Ребенок едва не мурлыкал от счастья.

— Потенциал в боевых искусствах у этого маленького плута средний, но вот умение строить глазки на высоте, — посмеялся Чу Фэйян. — И у кого он этому научился.

Цзюнь Шуин бросил на любовника острый взгляд и указал на коробку с едой:

— Хватит болтать. Я купил еду в ресторане, так что быстро накрывай на стол, пора обедать.

Чу Фэйян бросил взгляд на изящную, покрытую лаком да росписью цветов коробку и, простонав, погладил лоб:

— Эта вещица наверняка дорогая, правда?

— Ничего не поделаешь, на улице очень холодно, если не положить рис в коробку, он остынет, — нахмурился Цзюнь Шуин. — Почему ты должен поучать меня даже за это?

— Да что ты, я не собирался, — тихо вздохнул мечник, принявшись накрывать на стол, вынимать из изысканной коробки блюда. Не только она, даже чаши и миски в этой ресторане оказались поистине великолепными и точно очень дорогими. Чу Фэйян вновь беспомощно вздохнул: в следующий раз ему не стоит задерживаться на горе, иначе по приходу придется вновь подсчитывать оставшиеся в кошельке крошки серебра.

Остров утренней звезды

После еды Цзюнь Шуин уложил сяо Ши вздремнуть, а потом позволил Чу Фэйяну вытянуть его на улицу, к воротам их маленькой резиденции.

— Посмотри-ка, — гордо заявил благородный воин, — наш дом почти готов, и нам нужно придумать ему название, я хочу, чтобы ты предложил свои варианты.

— К чему такие сложности? Дом он и есть дом, — нахмурился Цзюнь Шуин.

— Может быть, раньше так усложнять и не следовало, но это наш постоянный дом, разве нельзя над ним немного похлопотать? Давай, предложи хоть одно название, — толкнул возлюбленного в бок воин.

Цзюнь Шуин серьезно задумался:

— Дом...

— Угу, и лучшего места нам не найти. У нас в цзянху довольно много врагов, в основном, конечно, твоих, — Чу Фэйян взял паузу, чтобы встретиться с тяжелым острым взглядом возлюбленного. — Эта гора принадлежит школе Цинфэн, и если кто-то решится на месть нам, им придется трижды подумать, прежде чем сюда пробраться и нарушить границы школы.

— С каких пор я боюсь этих жаждущих мести идиотов? — холодно фыркнул Цзюнь Шуин.

— Конечно, ты не боишься, — обняв любовника, рассмеялся Чу Фэйян. — Но ведь насекомые раздражают и отвлекают от важных дел, не так ли? Раз уж это наш дом, то почему бы ему не быть тихим и спокойным?

Цзюнь Шуин аккуратно боднул голову любовника, чей нос пытался зарыться в шее мастера игл и затянул:

— Идея, конечно, хорошая, однако я боюсь, что расположение дома будет защищать только тебя,

а никак не меня. Я ведь вижу, что люди в школе Цинфэн все еще считают меня демоном и мечтают убить. Думаешь, с таким отношением они правда помогут мне в случае опасности?

— Ты все еще плохо знаешь моего мастера, — беспомощно вздохнул Чу Фэйян. — Сейчас, он уже по умолчанию считает тебя своим. Поверь, даже если со мной что-то случится или я просто буду где-то далеко, старик не позволит посторонним тронуть ни одного волоска на твоей голове. И ученики школы того же мнения. Для них ты уже свой человек.

— В самом деле? Если это так, то я должен поблагодарить Чу-дася за протекцию, — улыбнулся мастер игл.

— Нет необходимости в слезах благодарности, — продолжил шутку благородный мечник, крепче обняв любовника. — Почему бы нам не вернуться к теме разговора, давай придумаю нашему дому название. Хотя бы тренировочному залу.

Цзюнь Шуин обернулся и посмотрел на большой тренировочный зал, выполненное в том же стиле, что и архитектура школы Цинфэн, здание, с минуту подумал и кивнул:

— Пусть зовется залом Тяньи.

— Даже не думай об этом! — категорично отказался Чу Фэйян.

— Тогда, Тяньцаотан.

— А есть ли разница? — начинал злиться благородный мечник.

(п/п: тяньцаотан — дом отшельника Тяньи)

— Тогда думай сам, а я пойду тренироваться, — мрачно отрезал Цзюнь Шуин, махнул рукой и ушел. Чу Фэйян не стал его останавливать. Сам оглядел большой дом, который все время ремонтировал и печально вздохнул. Все что здесь

построено и отремонтировано — заслуга Чу Фэйяна, а Цзюнь Шуин всегда сперва рычал, а потом давал воину то, чего тот спросил. Так случилось и сейчас, мастер игл не стал мелочиться, всерьез подумал над названиями дома, предоставив Чу Фэйяну варианты из которых можно было выбрать: особняк Тянью, павильон Чжиюань, комнаты Цзанфэна, зал Чжунлю и тому подобное. Варианты заняли целую страницу пергамента.

Чу Фэйян долго думал, а потом взял доску, взмахнул пером и вывел три иероглифа «Чуцзюньтан» с изображением танцующего в воздухе дракона. Чу Фэйян осмелился на дерзость, Цзюнь Шуин остался не против, но напомнил о старике Синь Бае. Если глава школы увидел это название, то точно настучит непокорному ученику по голове. Однако Чу Фэйян не волновался о последствиях.

Следующие дни пара провела относительно мирно. Когда в школе происходило что-то неладное, Чу Фэйян предупреждал возлюбленного и на несколько дней уходил, но также как и всегда стремился как можно скорее вернуться домой. За это Синь Юньшэнь нередко дразнил старшего брата. Благородный мечник пропускал мелкие колкости мимо ушей, считал это своего рода оплатой за то, что молодой хозяин школы брал на себя одержимых Чу Фэйяном людей из прошлого. Так сказать, аннулировал долги «цветка персика».

Цзюнь Шуин тоже не сидел без дела. Правда после последнего разговора ему больше не приходило в голову привязывать сына. Да и Чу Фэйян придумал для них систему: привез в поместье нескольких голубей. И теперь, когда

мастеру игл требовалось покинуть гору, он выпускал одного из крылатых посыльных, который летел к Синь Юньшэню с просьбой последить за малышом, взять его на время отсутствия родителей в школу.

Синь Бай давно прознал о крепких, больше напоминающих ряд сделок отношений сына и лучшего ученика, но не злился на молодых людей, не собирался лезть с советами. Он мог вновь стукнуть по голове каждому и призвать к более строгим порядкам, но в какой-то момент понял, что не хочет контролировать подросших детей. И на многие оплошности и просчеты старик попросту закрывал глаза.

Время от времени Синь Бай тихо вздыхал, задаваясь вопросом, почему его лучший ученик и сын привели в дом воспитанников темной школы. К счастью, сяо Ши, плод такого союза оказался воспитанным, хорошо разбирающимся в кокетстве ребенком. Все в школе души в нем не чаяли. И хотя его происхождение немного расстраивало Синь Бая, он и правда давно признал Цзюнь Шуина, теперь стремился проводить с его ребенком много времени. Очень уже ему нравился этот пухлый, большеглазый мальчуган, который зовет его дедушкой.

В один из спокойных, радующих погодой дней на порог школы пришел один молодой человек.

— Меня зовут Чу Юньфэй, я старший ученик школы Тяньшань. Я давно восхищаюсь старшим и для меня настоящее благословение встретиться с вами, Чу-дася. — Чопорно отдал честь молодой человек в белых одеждах и с волнением посмотрел на Чу Фэйяна снизу вверх. Мальчишка показался счастливым и очень взволнованным.

— Не нужно быть таким вежливым, Чу... — Фэйян

замялся, — молодой воин, пожалуйста, садись.

Юньфэй кивнул и с легким румянцем на щеках занял место напротив своего кумира. Чу Фэйян, глядя на него, не знал плакать или смеяться. Он ведь еще не очень стар, так? А этот юноша уже старший ученик школы Тяньшань. И если присмотреться, не такой уж он и юноша, уже молодой мужчина. Да и фамилии у них одинаковые, а имена слишком похожие. Чу Фэйян почти в зеркало смотрелся, только отражение сбросило десяток, а то и больше лет. Воин определенно не привык к такому.

— Молодой господин... Чу... у нас ведь одинаковые фамилии, может быть, ты разрешишь звать себя Юньфэй? Тебе тоже не обязательно быть со мной таким вежливым, можешь звать меня просто братом Чу, — улыбнулся Чу Фэйян.

Донельзя польщенный таким панибратским отношением, Чу Юньфэй еще больше раскраснелся:

— Хорошо-хорошо, брат Чу, ты, скорее всего не помнишь, но когда я был мальчишкой, то попал в большую беду и именно ты меня спас. Появился внезапно, точно бог, я никогда этого не забуду. Если бы не брат Чу я бы никогда не смог поступить в школу Тяньшань и уж тем более не смог бы стать старшим учеником. С тех пор я считаю брата Чу настоящим, единственным героем, которым стоит восхищаться в этой жизни. Я рос слушая истории о подвигах брата Чу и всегда надеялся когда-нибудь стать таким же прославленным человеком.

Глядя на раскрасневшееся от волнения лицо молодого человека, на его блестящие глаза, Чу Фэйян не изменил улыбке, но в глубине души почувствовал толику досады. Во-первых, что

значит, рос, слушая истории о нем? Какая у них разница в возрасте? Во-вторых, у Фэйяна было смутное чувство знакомства с рассказанной первым учеником Тяньшаня историей, но мужчина понял, что не может вспомнить ничего конкретного.

Чу Фэйян взглянул на молодого человека, чье лицо было гладким, точно корона из белого нефрита, на его бойкий нрав и тяжело вздохнул. Неужели он сам не заметил, как постарел?

— Не нужно меня перехваливать, я не смею принять эти слова, — вполне серьезно заявил Фэйян. Этот Юньфэй смог стать первым учеником далеко не последней школы цзянху, а значит, он уже бродит по рекам и озерам, и многие зовут его героем Чу. Такие регалии в столь юном возрасте редкость. Этот мальчик не обделен талантом. — Итак, зачем же школа Тяньшань послала тебя в наши края? В чем дело?

При упоминании о главной цели выхода за врата, Чу Юньфэй нахмурился:

— На этот раз я пришел за сломанным мечом своего наставника.

— Сломанным мечом? — Задумался Чу Фэйян.

— Именно. Он называется меч Утренней звезды. В прошлом он был редким оружием, но много лет назад по какой-то причине его сломали, в моей школе издавна хранилась лишь половина. Мой наставник по-настоящему ей дорожил, но не так давно сокровище выкрали. В этот раз я вышел из врат по приказу наставника и должен найти половину меча.

Чу Фэйян вспомнил, что не так давно Цзюнь Шуин уходил на несколько дней, а когда вернулся, принес в дом сломанный меч...

Остров утренней звезды

— Я тебя понял, но чем я могу помочь? — В глубине души Чу Фэйян подумал, что его любимый спесивец, сам того не ведая, вновь создает вокруг проблемы, но все так же приветливо улыбался гостю.

Определенно чувствуя себя неловко, Чу Юньфэй улыбнулся и теперь, взвешивая каждое свое слово, пояснил:

— Я пришел в школу Цинфэн, чтобы проверить кое-какие слухи... Возможно, Чу-дася сможет дать мне подсказки по поиску меча. Признаюсь честно, мои источники информации довольно сомнительны, часть из них указывает на другие места. Я не так уж сообразителен, и не всегда могу отличить правду от лжи, поэтому прихожу к любому, упомянутому в слухах, месту, чтобы отыскать меч. Я уже бывал в других городах, и теперь информация меня завела на встречу с вами, Чу-дася, надеюсь... я просто ищу осколок меча, мне жаль, если своим рвением я проявил неуважение. Прошу, Чу-дася, поймите меня правильно, потерпите меня...

Чу Фэйян видел, как торопливо говорил юноша, как краснеет его лицо. Фактически Чу Юньфэй сейчас бегаёт по благородным домам и спрашивает у героев, не украли ли они меч его мастера. Можно ли представить более неловкую ситуацию? Кроме того, восхищение мальчишки не показалось Чу Фэйяну притворным. Пока ему не хотелось смущать этого честного гостя, поэтому, вздохнув, мечник сказал:

— По правде говоря, два дня назад мой друг действительно принес в дом сломанный меч. Я не знаю, где он его взял и каково его происхождение. Давай подождём, пока мой друг вернется, и я от твоего имени спрошу его о

находке. Если это окажется утерянный твоим мастером меч, я попрошу его вернуть потерю.

Чу Юньфэй призадумался, но сомнения быстро сменились радостной надеждой. С улыбкой на устах он кивнул:

— Благодарю Чу-дася за беспокойство, — юноша отвел взгляд, точно в чем-то сомневался, поэтому несколько раз украдкой посмотрел на Чу Фэйяна. Благородный мечник не знал, о чем думает поклонник его подвигов, да и не хотел знать. Дабы скоротать время, он налил им чаю и принялся рассказывать несколько легенд цзянху.

Все это время Чу Юньфэй, казалось, пытался заставить себя говорить, потом сдерживался, но в конце концов, не выдержал и спросил:

— Чу-дася, у меня есть некоторое предположение... только я не знаю, как об этом спросить. Ваш друг, как его зовут? Что он за человек?

Изогнув бровь, Чу Фэйян собрался ответить, как вдруг от двери донесся звонкий, детский голос. Чу Юньфэй обернулся в сторону двери и увидел, что с улицы к ним зашла белая, пухлая кукла. Маленькими пальчиками кроха уцепился за ручку двери, с трудом перешагивая высокий порог, но когда это все-таки получилось, сперва малыш поправил одежку из плотного хлопка, а затем радостно побежал к Чу Фэйяну с криком:

— Папа, обними, — хихикая и веселясь, сяо Ши обнял ногу Чу Фэйяна.

— Это... — немного удивился Чу Юньфэй.

Сяо Ши обернулся на голос, посмотрел на гостя, который сидит у стены и внимательно его разглядывает, смутился, отвернулся и стеснительно зарылся лицом в колени отца, Чу Фэйян беспомощно улыбнулся и подхватил его на

руки, позволив усесться к себе на колени.

— Это мой сын. В последнее время мы его разбаловали, так что он ведет себя, как хочет. Надеюсь, брат Юньфэй не будет смеяться, — поправляя шапочку и одежду сяо Ши, пояснил воин с улыбкой.

— Так это... это... — ошарашенно заикался Юньфэй. Он слышал, что его кумир состоял в странных отношениях с приверженцем злого учения, а также прознал о том, что на праздник Чу Фэйян пришел на гору Ланьюэ с двумя маленькими детьми. Слухов по цзянху ходит много и все они довольно нелестные. Все только и говорят, что подле себя Чу Фэйян держит настоящего дьявола, с которым его связывают неприличные отношения, а также, что у него есть двое сыновей от разных женщин. Каждый раз слыша обрастающую нелепыми подробностями сплетню, Чу Юньфэй откровенно злился. А теперь, увидев малыша воочию и услышав подтверждение от своего героя, большая часть сомнений развеялась, и юный герой получил некоторое успокоение.

Он никогда не верил, что достойнейший из людей, Чу Фэйян, свяжется с приверженцем темного учения, кроме того, не верил он и в любовь героя к дьяволу. Теперь, когда Чу Фэйян лично признал в малыше сына, Юньфэй честно подумал, что воин растит его с женой, а все слухи о демоне, что согревает его постель ложны. Смог бы такой человек мириться с не своим ребенком, да еще и растить его?

Осознав все это Чу Юньфэй невольно приободрился и внимательно рассмотрел малыша в руках Чу Фэйяна, который тоже с любопытством поглядывал на гостя. Чу Юньфэй отметил, что у

крохи изящные брови и тонкие черты лица, он уже похож на маленького небожителя с выразительными глазами. Юному воину очень понравился внешний вид малыша, думая о его личике, юноша не мог не задуматься о женщине воина Чу: должно быть, она потрясающая красавица, нежная и милая женщина. Вместе с Чу Фэйяном они должны образовывать пару талантливых и очень красивых людей.

Чу Юньфэй едва не фыркнул, когда подумал о клеветнических слухах цзянху. И все же хорошо, что они оказались ложными.

— Твой сын еще молод, но глядя на его лицо, могу сказать, что его ждет яркое будущее. Если ты займешься его обучением, то через десяток лет цзянху узнает нового героя, — посмеялся Чу Юньфэй и, понимая, что его слова звучал чересчур льстиво, искренне отметил. — Я лишь хотел сказать, что у тебя замечательный сын. Иметь такого большая удача.

Понимая, что его хвалят, сяо Ши робко улыбнулся гостью, демонстрируя ему ряд ровных молочных зубов, после чего обхватил Чу Фэйяна за шею и уткнулся ему носом в плечо. Благородному мечнику только и оставалось, что обнять непоседу да рассмеяться.

Они еще какое-то время побеседовали, а затем в комнатушел «тот самый друг».

— Что еще за сломанный меч? — нахмурился Цзюнь Шуин после рассказанной истории.

Увидев Цзюнь Шуина, Чу Юньфэй почувствовал себя неловко. Это ведь тот самый демон из темной школы Тяньи. Что он делает здесь на горе школы Цинфэн? Почему не выказывает этому месту должного уважения? Один вид Цзюнь Шуина раздражал Чу Юньфэя, но юноша

держался, потому что его кумир назвал демона своим другом.

Остров утренней звезды

— Верно, этот расколотый надвое меч не самая приметная вещь, я понимаю, как герой Цзюнь мог не обратить на него внимания. И все же эта вещь очень важна для моего мастера, поскольку была подарена ему добрым другом в далеком прошлом. Кроме того, для господина Цзюня это может быть незначительно, но многие в цзянху сплетничают о Чу-дася, уверен, если этот случай всплывет, многие воспользуются ситуацией и начнут клеветать. Вы ведь друг Чу-дася, ради него, думаю, вы должны восстановить справедливость! — Взволнованно заговорил Чу Юньфэй, начиная злиться.

Что касается украденного меча, то по цзянху давно ходят слухи о его исключительности, якобы в принадлежащем главе школы Тяньшань обломке скрыто руководство неземных боевых искусств. Школа Тяньшань не раз выступала с официальными, опровергающими слухи, докладами, но часть воинов до сих пор верит в сказки. Перед своим вынужденным путешествием Чу Юньфэй получил ответы на все вопросы, а в дороге узнал много нового и теперь был почти уверен, что реликвия школы находится у коварного Цзюнь Шуина. Кто еще мог поверить слухам и украсть меч из святого святого? Естественно, Чу Юньфэй хотел вцепиться обидчику в глотку, но сдерживал свои порывы из-за Чу Фэйяна, который называл демона своим другом. Старался разговаривать с Цзюнь Шуином вежливо, но если этот подонок и дальше будет гнуть свою лживую линию, Юньфэю не останется ничего другого, кроме как вызвать его на бой.

Цзюнь Шуин только закончил упражняться с мечом, весь вспотел и быстро остыл, из-за чего чувствовал себя не очень комфортно. Сейчас он

постигает новый трактат от любовника. Нынешние выпады и блоки отличались от того, что Цзюнь Шуин видел раньше, так что на их тренировку уходит больше времени и сил, но мастер игл, как всегда, нетерпелив в изучении нового. Сейчас он хотел искупаться и отдохнуть, а не препираться с каким-то едва знакомым мальчишкой о том, о чем он не в курсе.

— Я ведь уже сказал, что не видел сломанного меча. Какого-то меча недостаточно для того, чтобы привлечь мое внимание. Кроме того, что ваша святая школа из себя представляет, если не в состоянии позаботиться о мусоре. У тебя не хватило сил защитить игрушку мастера, а теперь ты имеешь наглость приходить сюда и обвинять в своей несостоятельности других? Неслыханная наглость! — на этой фразе Цзюнь Шуин развернулся и собрался покинуть комнату.

Увидев, что Цзюнь Шуин рассердился, сяо Ши выпутался из рук Чу Фэйяна, соскочил с его колен и побежал к родителю, на ходу крича: «Папа...».

Чу Юньфэй так удивился возгласу малыша, что сначала подумал — слух его подводит, но в сознании уже зародилось зерно недоумения. Правда оно стало слишком маленьким, чтобы отвлечь воинственного юношу от едких слов мастера игл. Юньфэй едва не воспламенился от гнева. Он уже раскрыл было рот, чтобы разразиться обвинительной тирадой, как вдруг Чу Фэйян поднялся со своего места и оттащил любовника от спесивого юноши.

— Подумай хорошенько, — беспомощно начал благородный дася. — Помнится, несколько дней назад, когда ты вернулся на гору, то принес с собой некий поломанный меч...

— Ты меня подозреваешь? — сердито прошипел

Цзюнь Шуин.

— Нет, думаю, ты правда не придавал ему значения, поэтому не запомнил, — успокоил возлюбленного Чу-дася. — Раньше этот меч и правда был чудесным оружием, сейчас же от него осталась только половина, наверняка, он выглядит жалко.

Слова Чу Фэйяна позволили Цзюнь Шуину успокоиться и серьезно задуматься.

Чу Юньфэй замер на месте, посмотрел на Чу Фэйяна, потом на Цзюнь Шуина, и напоследок на малыша, который уцепился за ногу темного воина и подумал, что атмосфера меж ними тремя чрезвычайно гармонична и оттого странна.

— Следуйте за мной, — нахмурившись, Цзюнь Шуин подхватил на руки сына, после чего решительно вышел из комнаты, воинам с одинаковой фамилией только и оставалось, что исполнить его приказ. Раньше Чу Юньфэй не обратил внимания на название особняка, но теперь невольно уставился на него. Надпись гласила, что здесь живут воины Чу и Цзюнь. Странно писать так о друзьях неправда ли? Да и хозяйка дома могла обидеться, разве нет? Молодой мечник с еще большим недоумением посмотрел на идущих впереди мужчин.

В своем кабинете, Цзюнь Шуин в пренебрежительной манере достал с забитой свитками и книгами полки небольшой матерчатый мешок, который тут же бросил возмутителю спокойствия:

— Взгляни, тот ли самый это меч.

Растянув тесьму, молодой мечник раскрыл мешок, и его глаза загорелись:

— Это именно он! Тот, что выкрали из школы.

— Если так, то бери и проваливай, —

бесцеремонно скомандовал мастер игл.

— Ты... ты вор! Сперва забираешь чужое, а потом еще и обвиняешь других в невнимательности! Не слишком ли много ты на себя берешь? — Признаться, Чу Юньфэй впервые увидел такого лицемерного, наглого человека. Цзюнь Шуин так сильно отличался от тех, кого он привык видеть в цзянху, что гнев возник сам собой и выплеснулся наружу.

— Где доказательства того, что я его украл? — Холодно фыркнул мастер игл. — Я уже сказал, что такой меч не в состоянии меня заинтересовать. Но вам, школе Тяньшань, плевать да? Главное обвинить кого—нибудь в своей безалаберности и выглядеть свято!

— Ты... ты обманщик! Ты лжешь! — Указав на Цзюнь Шуина пальцем, сердито выкрикнул Чу Юньфэй.

— Я ничего не крал, но даю тебе возможность забрать меч. Уверен, кто-то имеет зуб на вашу фракцию Тяньшань, а мы тут не при чем. Но ты, вместо того, чтобы все осмыслить, бросаешься обвинениями. Если ты разумный человек, закрывай рот, бери меч и уходи пока не поздно. А если я еще раз услышу обвинения в наш адрес, то уже не прощу тебя так просто, — холодно высказался мастер игл, а у Чу Фэйяна начала болеть голова.

Беспомощно потеряв лоб, благородный мечник уставился на Чу Юньфэя. Видимо, юноша слишком много времени провел среди людей с высокими идеалами и теперь, повстречавшись с иным типом воинов, так выбился, что даже разучился строить правильные предложения:

— Ты... ты что?! Хочешь сказать, что это я распускаю слухи о Чу-дагэ? Возмутительно! Зачем

ты... зачем мне это делать?! Если бы ты не украл меч моего мастера, как бы я вообще пришел к брату Чу?!

Прищурившись, Цзюнь Шуин уже собрался ответить, но Чу Фэйян поспешил его остановить, боялся, что возлюбленный пуще прежнего разозлит мальчишку:

— Хорошо-хорошо, Шуин, ты можешь рассказать нам, как получил этот меч? Если кто-то в самом деле нацелился на школу Тяньшань, брату Юньфэю будет полезно услышать несколько подсказок.

Цзюнь Шуин бросил на любовника уничижающий взгляд, отмахнулся, налил себе воды, залпом ту выпил и сардонически заявил:

— Когда я в последний раз спускался с горы, то наткнулся на бандита одиночку. Во время погони, он решил от меня откупиться, чтобы спасти свою жизнь. Этот человек не силен, не хитер, если он в самом деле задумал зло против школы Тяньшань, то вам, целой толпе ортодоксов, не о чем беспокоиться, — язвительно усмехнулся мастер игл.

Мастера с одинаковой фамилией нахмурились.

— Какая глупость! Ты негодяй, ты просто все выдумал! — сердито заявил Чу Юньфэй.

— Зачем ты гнался за тем неумехой? — первым делом поинтересовался Чу Фэйян. Он не мог не думать об всех тех негодяях в цзянху, которые хотели навредить Цзюнь Шуину. Когда они вместе путешествовали в школу Тяньи несколько лет назад, на пути им встретилось немало врагов, так что Чу Фэйян постоянно волновался.

Взглянув на юнца, Цзюнь Шуин предпочел ответить любовнику:

— У меня были свои на то причины.

Чу Фэйян хотел задать много вопросов, но посмотрел на Чу Юньфэйя, решил, что с них хватит. А все нюансы той встречи благородный мечник сможет узнать ночью, когда они с Шуином будут только вдвоем.

— Не может быть, чтобы вы поверили в эту небылицу! — фыркнул Чу Юньфэй. — Я ведь провел расследование и не нашел упоминаний об одиночках, нет доказательств его существования. О существовании бандита мы можем знать только с его ненадежных слов!

— Естественно, я ему верю. И ты, брат Юньфэй, если веришь в меня, то прислушайся к его словам, найди зацепку и проведи расследование. Если за этим похищением в самом деле стоит заговор, то было бы неплохо разобраться с этим вопросом.

Оставшись недовольным мнением великого героя, Чу Юньфэй все же промолчал. У него попросту не было иного выхода. Чу Фэйян был с ним вежлив, позволил подождать в своем доме и даже помог найти меч. Теперь же, мальчишка нашел повод уйти и незамедлительной им воспользовался.

Остров утренней звезды
(маленькая зарисовка о гармоничных отношениях)

Чу Фэйян не должен позволять сяо Цзюню вступать в споры с посторонними. Он ведь не может поклониться, потому что это нужно в момент. Благородный мечник устал. Он едва не потерял гордость перед новым поколением героев.

Вечером вновь пошел снег, большой и влажный, похожий на гусиные перья. Вскоре белое покрывало скрыло двор и сяо Ши очень хочет поиграть на улице. Не в первый и даже не во второй раз подбирался к дверному косяку и пытался открыть замок.

Вскоре у Чу Фэйяна кончилось терпение. Сурово пригрозив сыну, он собирался отнести его в спальню и уложить в постель, но сяо Ши активно сопротивлялся, цеплялся за дверь, говоря, что спать еще рано!

— Чем ты занимаешься? Еще и правда довольно рано, пусть останется, — рассудил Цзюнь Шуин, который предпочел не вмешиваться в дела неугомонных членов семьи, а отдать свое внимание книге и удобно устроиться в большом, обитом мехом, кресле.

— Может быть, тебе и все равно, но мне нет! — решительно заявил Чу Фэйян, подхватил сяо Ши и, не обращая внимания на его протесты, понес в спальню. Малыш так отчаянно пищал и протягивал ручки к Цзюнь Шуину в поисках помощи и поддержки, что это виделось комичным. Чу Фэйян похлопал сына по спине, призывая к спокойствию. Но не это стало причиной смирения маленького хитреца. Цзюнь Шуин, хоть и высказался за сына, но на деле не проявил никакого интереса к его проблеме. Расстроившись, сяо Ши повис на руке отца.

Чу Фэйян снял с сына верхнюю одежду, уложил в

кровать и укрыл одеялом. Сяо Ши не простил благородного дая, обиженно надулся и не пожелал на него смотреть. Чу Фэйян только улыбнулся и щелкнул сына по кончику носа:

— Спи спокойно, малыш.

Погасив свет и закрыв за собой дверь, Чу Фэйян отправился искать Цзюнь Шуина. Тот все еще сидел в кресле и читал книгу. Чу Фэйян свистнул, привлекая его внимание, заставляя оторваться от книги и посмотреть в сторону. Мастер игл, сомневаясь, склонил голову набок, когда увидел ухмылку мечника.

— Нам тоже пора, — потеряв подбородок, довольно пошло улыбнулся Чу Фэйян, — в кровать.

За столько лет совместной жизни, Цзюнь Шуин привык к поведению любовника, поэтому не стал кричать или пререкаться, только лениво вздохнул и вернулся к чтению книги. Только вот Чу Фэйян тоже успел привыкнуть к характеру возлюбленного. Он прошел к креслу и присел перед мастером игл на корточки. Его улыбка осветила комнату, а шаловливые пальцы легли на бедра возлюбленного, нежно их поглаживая.

Так прошел еще один гармоничный вечер в маленькой семье воинов Чу и Цзюнь.

Остров утренней звезды

В момент, когда нега проникла в кровь мастеров, снаружи раздался шум. Стук в ворота становился все отчетливее, а через ветер усиливающейся горной вьюги Чу Фэйян и Цзюнь Шуин слышали крик.

Мечник тихо выругался, а мастер игл шумно выдохнул и открыл глаза. Подернутые туманом удовольствия, они сильнее прежнего подрывали моральные устои Чу Фэйяна, требуя проигнорировать незваного гостя.

— Останься, а я пойду посмотрю, кто это решил прийти к нам так поздно ночью, — ласково коснувшись виска возлюбленного, прошептал Фэйян, собрался с силами, оторвался от любовника, поднялся и поправил одежду. Цзюнь Шуин ничего ему не сказал, только откинулся на покрытое мехом кресло и прикрыл глаза. Такой манящий, он не позволил благородному дася уйти просто так. Наклонившись, воин вновь взял губы Шуина в плен. Горячий и мягкий после умелых ласк Фэйяна, мастер игл и не думал противиться, позволив сожителю взять столько, сколько требуется. Правда под финал затянувшейся ласки брови Цзюнь Шуина все же сошлись на переносице. Хотя, кто знает, быть может, причиной тому был повторившийся шум.

— Не расстраивайся, — посмеялся мечник, — твой муж скоро вернется.

Цзюнь Шуин отмахнулся от руки Чу Фэйяна и, зарывшись лицом в мягкую, теплую звериную шкуру, вновь прикрыл глаза. Благородный дася улыбнулся такой картине, после чего все-таки отправился встречать возмутителя спокойствия, потянул на себя дверь, после чего плотно ту прикрыл, чтобы возлюбленного не потревожил холодный ветер, чтобы натоленной жаровней

тепло не покинуло их маленькой, уютной комнаты.

Тем временем во входные ворота продолжали настойчиво стучать. Изредка мечник слышал встревоженный, зовущий его голос. Более не смея проявлять беспечность, он быстро прошел через двор. Голос теперь слышался особенно четко, и в нем Чу Фэйян узнал своего однофамильца — Чу Юньфэя.

Потянув засов, Чу Фэйян приоткрыл створку ворот и, как только дверь открылась, в самом деле встретился с молодым героем. Встревоженный юноша, весь в снегу, бросился к Чу Фэйяну с умоляющим взглядом:

— Чу-дагэ, меч поддельный!

Чу Фэйян посмотрел на это юное встревоженное лицо перед собой и едва не вздохнул от беспомощности. Ну что за ерунда? Почему нельзя было прийти с этим, к примеру, завтра утром? Днем? Ночь такая ветреная и снежная, ради чего преодолевать погоду и взбираться на гору в столь поздний час? Почему в этом возрасте Чу Юньфэй все еще донельзя правильный и наивный? Что не так с этим ребенком?

И все же натянув на лицо нежную улыбку, мечник пригласил юношу войти, провел в зал:

— Юньфэй-сюнди, ты ведь поднимался от города Цинфэн? Должно быть, тяжело было идти в такую ветреную ночь.

Смахнув с волос и плеч холмы снега, Юньфэй покачал головой:

— Ничего подобного. Получив обломок меча и покинув ваш дом, я не стал возвращаться в город, сразу помчался в Тяньшань. Только вот на полпути мой друг обнаружил странность. Осмотрев обломок, мы поняли, что он

поддельный, и я тут же развернулся. На дорогу к школе и обратно ушло некоторое время, к счастью, я не опоздал.

— Вот оно что, — сдержанно улыбнулся мечник.
— Юньфэй-сюнди очень быстрый, мастеру очень с тобой повезло.

Почесав затылок, Юньфэй немного смутился:

— Благодарю брата Чу за похвалу.

Благородный дася застыл, он не собирался хвалить этого ребенка. Какой же он все-таки наивный. При взгляде на него хочется покачивать головой и тяжело вздыхать.

Смирив неудовольствие, Чу Фэйян налил юноше чашку горячего чая, а сам присел за стол и, раз уж его отвлекли, решил разобраться в ситуации:

— Не понимаю, как твой друг смог определить в осколке подделку? И что ты теперь намерен с этим делать?

Юньфэй присел напротив старшего героя и согрел нутро ароматным чаем, после чего не торопился ставить пиалу на стол, согревая пальцы ее теплотой, а его взгляд то и дело падал на окутанный паром чайник.

— На самом деле, определить подделку оказалось несложно, это я слишком торопился и проявил неосторожность, не проверил обломок, как следует.

Проследив за его взглядом, Чу Фэйян покачал головой и поставил перед юношей весь чайник, после чего озвучил насущную мысль:

— Юньфэй-сюнди, этот осколок тебе отдал мой друг Шуин. Ему нет смысла ее изготавливать, кроме того, делать неточной. Если история о подделке правдива, значит, именно подделка попала в руки Цзюнь Шуина с самого начала.

Юньфэй тут же оставил пиалу и невольно

приподнялся:

— Брат Чу, не пойми меня неправильно, я не подозреваю твоего друга!

Чу Фэйян не ответил, ждал, когда ему поведают больше информации. И Чу Юньфэй не стал тянуть, вынул из-за пазухи сложенный вдвое тонкий лист пергамента, который протянул старшему другу:

— Просто прочти это и все поймешь.

Благородный дася развернул записку и вчитался в кривой почерк: «Этот меч фальшивка. Если хочешь отыскать обломок настоящего, заставь Чу Фэйяна прийти в здание Цзиньсю до полуночи двенадцатого дня двенадцатого лунного месяца. Если ослушаешься, меч будет уничтожен! Так и знай!».

— Сегодня? — нахмурился мечник. — Откуда у тебя эта записка? — Сперва Чу Фэйян думал, что наводка на город и него в частности не более чем совпадение, но теперь становится очевидно, что это не так. Некто нацелился на воина и очень рассчитывает на его появление.

— Я нашел это в рукояти меча, — Чу Юньфэй достал подделку и провел пальцами по плохо оплетенной рукояти. — Если бы я сразу рассмотрел обломок или хотя бы лучше к нему пригляделся, сейчас мне бы не пришлось беспокоить брата Чу.

Чу Фэйян с искренним сочувствием посмотрел на парня и похлопал его по плечу. Какая уж там внимательность, мальчишка кипел от злости к Цзюнь Шуину, думая, что тот специально украл меч. Хорошо в таком раздрае он утащил подделку, а не чье-то еще оружие.

— Чу-дагэ, прости, но я пришел к тебе с просьбой. Я бы не стал настаивать, если бы

шантажист написал не только о тебе, но требования описаны детально, боюсь, не выполнив их, я никогда не смогу вернуть обломок меча Утренней звезды мастеру. Прошу! — Явно пересиливая собственное стеснение и неловкость, с трудом произнес Юньфэй.

— Не нужно себя винить, — успокаивающе улыбнулся мечник. — Этот человек явно нацелился на меня, а ты и твой мастер просто оказались в это втянуты. Я не собираюсь винить тебя в собственных неприятностях.

Чу Юньфэй глубоко поклонился и с благодарностью прошептал:

— Брат Чу...

— Что опять? — вклинился в трогательный момент прохладный, резкий голос. Чу Юньфэй поднял голову и случайно встретился взглядом с Цзюнь Шуином. Одетый в белый, отороченный в тон мехом плащ, мастер игл выглядел не то чтобы сердито, скорее устало и нетерпеливо.

Чу Фэйян тут же обернулся на голос и рассмеялся:

— Дело брата Юньфэя пошло наперекосяк, придется мне уделить ему сегодняшний вечер.

Прищурившись, Цзюнь Шуин посмотрел на возмутителя спокойствия:

— Что с тобой не так? Чу Фэйян уже поспособствовал возвращению твоего меча, тебе и осталось то только вернуть обломок в школу и порадовать своего мастера, что могло пойти не так? Ты ведь не хочешь сказать, что обломок подделка, и ты пришел требовать объяснений? — последнее прозвучало почти по-змеиному, с откровенной угрозой.

Щеки Юньфэя тут же вспыхнули алым. В душе он все еще испытывал неприязнь к этому человеку,

но понимая, что Чу Фэйян и правда помог, а темный дася его друг, Чу Юньфэн скрыл гнев и, от безвыходности, заикаясь, пояснил:

— Я бы не посмел... но да, э-это п-правда... меч поддельный. Только я н-не собираюсь в-вас обвинять...

— Хватит, — с улыбкой закончил его мучения Фэйян и пригласил Цзюнь Шуина присесть за стол, где обнял его за плечо. — Меч — подделка, но кажется, его и тебе передали специально. Дело имеет ко мне отношение. Чтобы привлечь мое внимание некто серьезно расстарался и впутал много людей. Вот, взгляни на это, — мечник передал возлюбленному пергамент, позволив прочесть послание.

Чу Юньфэй наблюдал за странной идиллией со стороны, все отчетливее ощущая странную, несвойственную простым друзьям атмосферу. Мысли юноши не могли не вернуться к тем возмутительным слухам, которые ходят по цзянху. Юньфэй украдкой взглянул на лицо Цзюнь Шуина и отметил его изысканную красоту, нашел румянец на выразительных скулах, нашел тонкие губы чересчур алыми и еще кое-что...

Неожиданно испугавшись, Юньфэй отвел взгляд и постарался собраться с мыслями, нечего тут размышлять о пошлостях и прочих пустяках. Втайне юноша немного себя пожурил: как он мог уподобиться всем этим сплетникам и занудам, не стесняющимся оскорблять Чу-дася и его друзей.

Закончив читать, Цзюнь Шуин нахмурился и принялся шепотом обсуждать с Чу Фэйяном дело.

Чу Юньфэй прислушался к их разговору, но не смог разобрать много слов, поэтому решил оглядеться. Наконец, юноша понял, что его смущает. Он зашел в дом благородного мечника

уже во второй раз, но не заметил ни самой хозяйки дома, ни ее вещей. Где же жена Чу-дагэ? Может быть, она все-таки не принадлежит цзянху, поэтому не показывается посторонним?